
Восток и Запад Рабиндранат Тагор

© 2026 г. Т.Г. Скороходова^{1*}, А.А. Нейвирт^{2**} (перевод)

¹ Пензенский государственный университет, Пенза, 440026, ул. Красная, д. 40.

² Независимый исследователь.

* E-mail: skorokhod71@mail.ru

** E-mail: anna9275@yandex.ru

Поступила 30.08.2024

Эссе индийского писателя и философа Рабиндраната Тагора (1861–1941) «Восток и Запад» (*Pūrva o Paścim*, 1908) впервые предлагается в переводе с бенгали. В концентрированной форме в нем поставлены вопросы, подобные тем, которыми в середине XIX в. задавался российский философ П.Я. Чаадаев: необходимость адекватного представления индийцев о самих себе, уяснения места Индии в истории и в измерении «Восток – Запад», понимания сути ее бытия и пути в истории в соотношении с бытием человечества и перспектив развития в современном мире. Размышление в условной «чаадаевской парадигме» было характерно для мыслителей Бенгальского Возрождения XIX – начала XX в. Отсюда Р. Тагор показывает содержание индийской истории как постоянное включение в ее общество все новых и новых Других и считает смыслом ее истории постоянное расширение человеческого взаимодействия и сотрудничества ради утверждения истины и добра. Встреча Востока и Запада на земле Индии благотворна как для ее собственного развития, так и для всей человеческой истории как пример понимания, диалога и синтеза.

Ключевые слова: Индийская философия Нового времени, Бенгальское Возрождение, социальная философия Рабиндраната Тагора, проблема «Восток – Запад», смысл индийской истории.

УДК 1 (091)

DOI: 10.21146/0042-8744-2026-1-164-174

Цитирование: *Рабиндранат Тагор. Восток и Запад* / Пер. с бенгали Т.Г. Скороходовой и А.А. Нейвирт, примеч. Т.Г. Скороходовой // Вопросы философии. 2026. № 1. С. 164–174.

East and West Rabindranath Tagore

© 2026 Tatiana G. Skorokhodova^{1*}, Anna A. Neivirt^{2**} (Trans.)

¹ Penza State University, 40, Krasnaya str., Penza, 440026, Russian Federation.

² Independent researcher.

* E-mail: skorokhod71@mail.ru

** E-mail: anna9275@yandex.ru

Received 30.08.2024

The essay “East and West” (*Pūrva o Paścim*, 1908) by the Indian writer and philosopher Rabindranath Tagore (1861–1941) is offered in a Russian translation from Bengali for the first time. It articulates questions similar to those posed by the Russian philosopher P. Ya. Tchaadayev in the 19th century: the need for Indians to understand themselves adequately, to clarify India’s place in history, and in the East – West dimension, to understand the essence of India’s existence and her own path in relation to the humanity existence and the prospects for development in the Modern world. Reflection within the conventional “Tchaadayev paradigm” was a feature of thinkers of the Bengal Renaissance (XIX – early XX c.). Hence, R. Tagore depicts the essence of Indian history as the constant inclusion of different Others into its society and considers the meaning of India’s history to be the constant expansion of human interaction and cooperation for the sake of affirming truth and goodness. The meeting of East and West on Indian soil is beneficial both for her own development and for all human history as an example of understanding, dialogue and synthesis.

Keywords: Modern Indian philosophy, the Bengal Renaissance, Rabindranath Tagore’s social philosophy, East – West problem, meaning of India’s history.

DOI: 10.21146/0042-8744-2026-1-164-174

Citation: Tagore, Rabindranath (2026) *East and West*, Trans. by Tatiana G. Skorokhodova and Anna A. Neivirt, Comment. by Tatiana G. Skorokhodova”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2026), pp. 164–174.

История Индии – чья это история?¹

Однажды светлокожие арии, преодолев все природные и человеческие преграды, вошли в индийские земли; словно непроницаемую завесу, они отодвинули обширные темные леса, покрывавшие с востока на запад эту огромную страну, и открыли цветущую, плодородную и полную света землю; сила их разума и подвижность создали тогда основание ее истории. Однако они никогда не могли сказать, что Индия – «это наша Индия».

Арии начали смешиваться с не-ариями². Еще в первые эпохи своего ничем не ограниченного влияния арии заключали браки пратилома³ с неарийскими шудрами⁴. Затем в эпоху буддизма смешение это только возрастало. К концу ее, когда индусское общество⁵ принялось снова восстанавливать свое влияние и на твердокаменном фундаменте захотело построить прочные кирпичные стены, уже тогда во многих местностях сложилась ситуация, в которой стало трудно найти настоящего брахмана для исполнения обрядов, и во многие местности брахманы приходили из дальних краев по приглашению, или же брахманов назначали царским указом, возлагая на них священный шнур⁶, – это общеизвестно. Тем временем та самая варновое чистота⁷, которой арии

так гордились, потускнела, да и арии, смешиваясь с шудрами, позаимствовали у них разнообразные традиции и верования, божеств и богослужения и приняли их в свое общество. Так сложилось общество, называемое «индусским обществом»⁸; оно не просто не имело ничего общего с обществом ведийской эпохи⁹, но во многих отношениях было его противоположностью.

И в этот период история Индии могла бы поставить точку. Но разве Создатель позволил бы ей заявить, что ее история – это история индусов? Когда раджпутские раджи¹⁰ в индусской Индии, подняв знамя гордости и героизма, самоубийственно истребляли друг друга в сражениях, – в этот период раздробленности мусульмане вторглись в Индию, распространились в ней повсюду, и, рождаясь и умирая из поколение в поколение, сделали землю этой страны своей.

Если именно здесь мы прервемся и скажем: «Довольно, не надо больше», – то мы сделаем историю Индии индусско-мусульманской; и неужели тогда тот же Вишвакарма¹¹, который выстраивает человеческое общество от ядра до широкой окружности, изменит свой замысел только ради того, чтобы придать смысл нашей надменности?

Моя Индия или ваша, индусская она или мусульманская, или сюда придет какой-то другой народ и будет здесь распоряжаться, – нет, это совсем не те вопросы, которые будут решаться на дарбаре¹² у Создателя. На суде Его состязаются различные адвокаты и ходатаи от разных сторон, но когда однажды судебные слушания закончатся и будет вынесен приговор, получится, что ни индусы, ни мусульмане, ни англичане, ни некий другой народ, согласно этому решению, не водрузит здесь свое знамя победы. Мы думаем, что в мире происходит борьба за право обладать, и в этом – наша ограниченность; борьба же, которая действительно идет, – это борьба за истину.

Все то, что является самым лучшим, самым полным и истинным, – все воплощается в мире, несмотря на всевозможные конфликты; прилагая к этому всю нашу волю, в меру сил мы будем стараться двигаться вперед, но будут ли усилия наши иметь смысл, – это желание заполучить победу именно для себя, будь то для одной личности или для целого народа, – для мироздания подобное желание бессмысленно. Греческому стягу победы усилиями Александра Македонского не удалось объединить всю землю, и надменность Греции была бесплодна, и какова ценность этой гордыни на земле сейчас? Римская империя под объединенными ударами варваров рассыпалась по всей Европе, и амбиции Рима не нашли воплощения; однако в мире сейчас никто не будет горевать из-за этой утраты. Греция и Рим сложили свой урожай в золотую ладью¹³ вечности, но хотя они и стремились сами заполучить в ней место для себя, они до сего дня так и не сели в эту ладью; тем самым они облегчили избыточный груз времени, но кому сейчас от этого убыток?

Конечной целью той истории, которая разворачивается сейчас в Индии, не является то, что преимущество на этой земле будет принадлежать индусам или какому-либо еще другому народу. История человечества в Индии будет принимать полное особое смысла воплощение, придавая совершенству прекрасную форму, и сделает его достоянием всего человечества, ожидая этого на протяжении всего процесса; в индийской истории нет ничего незначительного. Если в ходе создания образа совершенства индусы, мусульмане и британцы полностью откажутся от своих нынешних национальных особенностей, то из-за этого, возможно, и пострадает их национальная гордость, однако это не приведет к гибели ни истины, ни благословения.

Мы собрались здесь, чтобы построить Великую Индию. И мы являемся ее строительными элементами. Но если взбунтовались эти элементы, заявляя: «Мы тут главные», «мы не будем объединяться с другими», «мы будем независимыми», – тогда все в конечном итоге окажется тщетно. Тот элемент, который не желает присоединиться к этой большой постройке, говоря: «Нет, я хочу быть один, как раньше», – однажды будет отброшен прочь. А тот, который скажет: «Сам по себе я ничто, но идет великое строительство, и я целиком и полностью посвящен этой цели»; отвергнув незначительное, он-то как раз и сохранится внутри великого целого. И та часть Индии, которая не захочет объединяться с другими, которая, пребывая скрытой в недрах некоего

особого времени, отделившись от всех остальных, захочет остаться как есть и будет только возводить вокруг себя ограждения, – ту часть Владыка индийской истории, с великой горестью нанося по ней удар за ударом, сровняет со всеми остальными, назовет ее ненужной помехой и оставит в одиночестве. Поэтому история Индии – это не наша история, это мы собрались здесь ради истории Индии; если мы не сделаем себя достойными ее, то и мы тоже погибнем. Но если мы разорвем все связи и будем весьма особенным образом хранить свою уникальность, гордиться ею и считать, что наша история взяла на себя бремя сохранения этой гордости в наших потомках, если думаем, что и наша религия тоже исключительно наша, что наша традиция тоже уникальна, и что наше знание – тоже только наше, и оно надежно заперто в железном сундуке¹⁴, – то тогда, заявляя об этом, мы уже вынесли сами себе в человеческом сообществе смертный приговор и сейчас ожидаем его в тюрьме, которую сами же и создали.

Недавно пришедшие с Запада англичане заняли ведущее место в индийской истории. Событие это не является ни неожиданностью, ни случайностью. Если мы лишимся этой связи с Западом, то Индия будет лишена и своей цельности. В европейском светильнике горит пламя. От этого пламени мы зажгли наш светильник, и нам суждено, выйдя в мир, совершить путешествие по дороге времени. Все то, что мы можем в этом мире получить, три тысячи лет назад наши предки уже собрали и установили; так что и мы не лишены наследства, да и весь мир – не нищий; все, что мы можем сделать, уже сделано для нас в прошлом; если все это правда, то тогда, приняв свою безмерную никчемность, мы не сможем оставаться в поле деятельности всего мира, оказавшись обузой на земле. Те, кто полагает себя полностью завершенным благодаря своим предкам, посредством обрядов, веры и традиций стараются уберечься от соприкосновения с современностью, но они, спасаясь от угроз современности, лишают себя будущего. Однако мы тоже необходимы на этой земле, и необходимость эта не ограничивается нашей незначительностью; она в том, чтобы вместе со всем человечеством пробудиться и бодрствовать – в познании, в любви, в труде, в разнообразных связях, в разнообразных размышлениях и действиях; чтобы пробудить наш энтузиазм, взломав нашу старую дверь, словно Яджнешвар¹⁵, к нам пришли англичане. И пока вместе с ними мы не примем приглашения на мировое жертвоприношение и вместе не отправимся в паломничество, до тех пор их приход не увенчается успехом и до тех пор они будут мучить нас, причинять страдания и не дадут нам спать спокойно.

До тех пор, пока мы не ответим на призыв англичан, пока встреча с ними не будет плодотворной, до тех пор мы не сможем насильно распрощаться с ними. Посланные к нам, англичане приехали ради именно этой Индии – той, что укоренена в прошлом, но развивается, обратившись лицом к будущему. И эта Индия – Индия для всех людей; и не в добрый час мы тесним англичан из Индии, кто дал нам на это право? Кто мы в Большой Индии? Это что – наша Индия? И вообще кто мы тут такие? Это и бенгалцы, и маратхи, и панджабцы, индусы и мусульмане? Однажды те, кто воистину может сказать: «Это мы – Индия, и мы – индийцы», и кто бы ни влился в это неделимое и огромное целое «мы», включая индусов, мусульман, англичан и кого бы то ни было еще из Азии, – именно они обретут право решать, кто здесь останется, а кто – нет.

Наша связь с англичанами должна быть полезна. Сегодня на нас легло это бремя – дело собирания Большой Индии. Если мы отвернемся, разорвем все связи и ничего не будем брать от других, то все-таки не сможем помешать законам времени, как не сможем лишить Индию ее наследия и обеднить ее историю.

Совсем недавно в нашей стране самые благородные люди посвятили всю свою жизнь тому, чтобы Восток и Запад встретились. Примером тому – Раммохан Рай. В одиночку он всегда отстаивал единство Индии с целым миром на основе гуманизма. Никакие традиции, никакие церемонии не смогли ограничить его взглядов. Удивительной щедростью сердца и щедростью разума он сумел принять Запад, не отрекаясь от Востока. И он в одиночку заложил всесторонний фундамент новой Бенгалии. Таким путем, приняв все противоречия между народами нашей страны, он расширил сферу наших знаний и деятельности от Востока до Запада; он даровал нам исконное

человеческое право – ничем не ограниченное право на истину; он открыл нам, что мы – жители всей земли, и что Будда, Христос и Мухаммед жили и отдавали свои жизни ради нас. Плоды садханы¹⁶ индийских риши¹⁷ накоплены для каждого из нас; Раммохан устранил препятствия на пути нашего познания всех стран земли; избавив нас от инертности, он освободил связанную силу человека; Раммохан – наш, и каждый из нас ему благодарен. Раммохан Рай не сузил индийского разума и не воздвиг ему преград и стен, а, напротив, расширил его во времени и пространстве. Он воздвиг мост между Индией и Европой, и поэтому и сегодня в Индии он величественно и властно присутствует в деле ее созидания. Он не восстал, подобно глупцу, против тенденций эпохи, продиктованных ничтожным эгоизмом и слепыми привычками; начертав на знамени победы те устремления, которые не только не исчерпали себя в прошлом, но и нацелены в будущее, как герой, он поднял это знамя и понес в грядущее вопреки всем препятствиям.

В Южной Индии М.Г. Ранаде¹⁸ прожил жизнь, являя собою мост между Востоком и Западом. То, что соединяет людей, формирует общество, устраняет дисгармонию и уничтожает барьеры, мешающие знанию, любви и силе воли, эта творческая сила, эта истина единения присутствовали в самой природе Ранаде; поэтому он смог возвыситься над разногласиями и противоречиями интересов индийцев и англичан, над всеми преходящими горестями и страданиями. В индийской истории присутствует материал, принесенный в нее англичанами; и Ранаде, с его прекрасным сердцем и свободным умом, всю жизнь стремился расширить путь принятия внесенного ими вклада, чтобы сохранить многообразную целостность Индии.

Совсем недавно в Бенгалии ушел из жизни махатма Вивекананда¹⁹, который сумел воспринять Восток и Запад как две неотъемлемые друг от друга стороны одной реальности. И совсем не в том заключался данный всю его жизнью совет, чтобы отказываться от всего западного в истории Индии и надолго ограничить себя, заключив в узкие рамки традиций. Он обладал гением убеждения, объединения и созидания. Всю свою жизнь он посвятил созданию пути, на котором Индия и Запад обмениваются друг с другом созданными ими идеалами²⁰.

Однажды Бонкимчондро²¹ в «Бонгодоршоне»²² громко призвал к объединению Востока и Запада, и с того самого дня бенгальская литература была призвана стать бессмертной; в тот день она устремилась к целям вечности и стала на путь успеха. Причина тому, что бенгальская литература мало-помалу растет и развивается, – в том, что она разорвала все сковывавшие ее искусственные препятствия и теперь идет по тому же пути, что и вся мировая литература. Шаг за шагом продвигаясь по этому пути, она с легкостью смогла принять и сделать своими западные знание и чувства. Произведения, написанные Бонкимом, величественны потому, что своим гением он нашел в бенгальской литературе золотое соотношение между Востоком и Западом. И это соотношение, утвердившееся в сердце бенгальской литературы, пробудило ее творческую силу.

Действуя таким образом, мы, с одной стороны, увидим, как в современной Индии проявится величие человека, и те, в ком оно раскроется, начнут новую эпоху, и в их природе будут широта души, в которой едины и Восток, и Запад, и в жизни их не будет никаких противоречий и страданий, и они достигнут общего успеха.

Многие среди наших интеллектуалов сегодня полагают, что целью объединения разных народов в Индии является достижение политической власти. Если так думать, то получается, что мы нечто действительно большое делаем рабом малого. Мы встретим в Индии самых разных людей, и это важнее всех других целей, потому что это и есть человечность. Если встретиться невозможно, то исчезает основной принцип человечности, следовательно, всевозможные силы ослабевают и превращаются в оковы, повсюду возникают преграды, и это – наш грех, из-за которого гибнет наша религия, а с нею вместе и все остальное.

Только тогда это усилие будет иметь смысл, если на эту попытку примирения посмотреть с точки зрения религиозного сознания. Но религиозное сознание не ограничивается ничтожной гордыней или необходимостью. Если мы последуем ему, то наша

попытка объединения не будет ограничиваться только разнообразными большими и малыми народами, она должна включать в индийское сообщество и англичан.

Недавно у образованных индийцев и даже у простых необразованных людей возникла вражда с англичанами – и как же мы это воспримем? Разве в этом нет ни капли истины? Что же это – только непонятная магия каких-то заговорщиков? На огромном пространстве Индии встретились разные народы и разные силы, и их противоречивым взаимодействием развивалась ее история; возникшие на современном витке противоречия всецело противоположны ее привычному ходу. И нам придется осознать, в чем смысл этой вражды.

В нашей стране в философии бхакти²³ конфликты и примирения считаются разными частями одной целостности. Все люди знают, что Равана²⁴ достиг освобождения²⁵, враждуя с Богом. Смысл этого в том, что более глубокое постижение истины происходит тогда, когда с нею рядом мы терпим поражение. Принять истину легко, без сомнений и конфликтов, не означает полностью ее понять. Поэтому и научное знание устанавливается только после упорной борьбы с возражениями и сомнениями.

Некогда мы в отношениях с Европой занимали позицию просителя милостыни, и этим был скован наш разум; но, действуя так, не получить пользы. Будь то знание, будь то власть в стране, – все это ожидает, чтобы его приобрели собственными усилиями, иными словами, все приобретается собственными стараниями, преодолением внутренних противоречий и препятствий, и оттого, что кто-то положит это нам в руки, оно не сделается нашим. То, что получено таким путем, для нас – бесцельное, и потому будет нам во вред.

Именно поэтому в последнее время в душе нашей происходит бунт против европейского образования и самого западного духа. Это нарождающееся самоуважение подталкивает нас к самим себе.

Для той великой цели, о которой я сказал, это самоуважение оказывается необходимым. Получив все как само собой разумеющееся, без сомнений и споров, мы не смогли ни оценить, ни понять цену полученного, ни тем более сделать его своим, и среди нас явилось желание назвать новые вещи и новые одежды внешними и, отбросив их, обратиться к старому.

Раммохану Раю удалось сделать западные идеи своими потому, что Запад не подчинил его, и у Раммохана не было слабости по отношению к нему. Прочно утвердившись на культурном наследии своей страны, он притягивал к себе множество приходящих извне вещей и идей. Для него не было тайной, где находится сокровище Индии, и он сделал его своим, и потому в руках его были весы и эталон ювелира, помогавшие решать, что и откуда приходит; и он не позволял навязать себе что-либо сомнительной ценности, словно юной неискушенной красавице, которая не догадывается о цене украшения.

Та самая сила, что легко и естественно действовала в природе первого создателя Новой Индии, пытается проявиться и среди нас – в разнообразных действиях и противодействиях, борьбе и конфликтах. Беспорядочно пытаюсь выразить себя, эта сила доходит до крайности. Постоянно подстегивая нас на нашем пути, она и нас бросает из крайности в крайность, бьет, но ведет к цели.

В наши дни одной из причин конфликта, разгоревшегося между англичанами и индийцами, является следствие названного процесса: безразлично и смиренно принимая английское знание и власть, наше сердце страдало. Подспудно накапливаясь, чаша страданий нашей страны сегодня вдруг переполнилась.

Но это – не единственная причина. Запад пришел к Индии домой, и его никак нельзя изгнать, напротив, собственными нашими усилиями его следует сделать своим. Если же нам не хватит душевных сил для этого приручения Запада, то случится революция. Но если Запад покусится и не откроет нам своей истины, то и из-за этого тоже грянет беспорядок.

Если не случится наша встреча с тем, что в англичанах есть лучшего и истинного, то мы так и останемся знакомы с ними только как с солдатами и торговцами, а также с офисными чиновниками колониальной администрации; в этом пространстве

человеческого взаимодействия, объединив свою человеческую природу с их собственной, мы можем взаимно принять друг друга, но если в этом пространстве мы не войдем с ними в соприкосновение, если, отдалившись, обособимся, то тогда мы превратимся в совершенно безрадостные объекты друг для друга. В такой ситуации власть имущие могут попытаться железной цепью сковать недовольство слабой стороны, приняв закон против мятежников, однако этим путем недовольство будет сохранено, а не устранено. Кроме того, недовольство это не ограничится только одной стороной. Живущие среди индийцев англичане тоже не получают от этого радости. Англичане попытались полностью игнорировать присутствие индийцев, считая их досадным недоразумением. Однажды Дэвид Хэйр²⁶, этот махатма, сумел воочию явить нам благородство английского характера, и тогда студенты поистине отдали свои сердца английскому народу. Сегодня английские профессора не смогли донести до нас то лучшее, что есть в английском народе; совершенно лишив нас английского идеала, они отвратили наши души от англичан, от восторженно-юношеского отношения к ним. В результате получилось, что студенты прошлого всей душой приняли и английскую литературу, и английское образование; сегодняшние студенты этого уже не делают. Они поглощают их безо всякого удовольствия. Прежде студенты с искренней любовью познавали поэзию Шекспира и Байрона, которых помазали на царство в сердцах своих, а сегодня этого не видно. Те узы любви, что могли бы легко связать нас с английским народом через литературу, сейчас стали невозможны. Возьмите учителя, мирового судью, торговца, полицейского – во всех разнообразных отношениях с любым англичанином он не знакомит нас со своей английской цивилизацией и не приближает нас беспрепятственно к высшим проявлениям английской культуры, поэтому сами же англичане лишают нас реальных выгод от своего появления в Индии; наши духовные силы скованы и наше самолюбие ущемлено. Хорошее правление и хорошие законы – совсем не в них высшее благо человека. Как такового человека нет ни в конторах, ни в суде, ни в управлении. Человеку нужен именно человек, и ради обретения его он согласен переносить несчастья и нужду. Замена человеческого законами и умствованиями подобна замене хлеба на камень. Камень этот может быть редким и драгоценным, но голода с его помощью не утолить.

Таким образом, сегодня насилие происходит из-за того, что не сложилось гармоничного соединения Востока и Запада. Если мы так и будем жить рядом, но не будем встречаться, – то для человека это состояние невыносимо и губительно. И следовательно, в будущем наступит день, когда попытка исправить эту ситуацию окажется слишком жестокой. Это восстание – восстание сердца, и оно не задумывается о результате и даже готово идти на самоубийство.

Истинно также и то, что все эти восстания – временные. Поэтому нам придется по-настоящему встретиться с людьми Запада, и Индии не избежать принятия всего того, что со встречей этой связано. Пока плод не созреет, он должен быть связан со стеблем; без этой связи со стеблем его спелости не бывать.

Сказав теперь несколько слов, завершу этот очерк. За то, что англичане в Индии не могут проявлять во всей полноте лучшее, что в них есть, несем ответственность мы. Пока не исчезнет наша бедность, не прекратится и их скупость. В Библии написано: «...всякому имеющему дастся и приумножится»²⁷.

Нам придется быть сильными во всех отношениях; и только тогда англичане смогут дать Индии все то, что возможно. Пока они презирают нас, мы не сможем даже встретиться с ними. Пока мы стоим с протянутой рукой у их дверей, нам так и придется снова и снова возвращаться.

Все самое лучшее и великое, что есть у англичан, нам предстоит получить, одержав победу, а не сидя сложа руки. Если, сжалившись над нами, англичане сделают нам что-то доброе, то нам это на пользу не пойдет. Мы разбудим их человечность лишь с помощью нашей человечности. Кроме того, истины не обрести на каком-то легком пути. Также напомним, что англичане обрели все самое лучшее для себя трудами и страданиями; подобно маслу, которое не так просто сбить из молока²⁸, – масло

всплыло в результате усердного труда; и если мы по-настоящему хотим его получить, то и нам необходима сила. Те из нас, кто страстно стремится заполучить титулы, или уважение, или должности, кто со смиренно сложенными руками, склонив головы, присутствует на английских приемах, – только возбуждают в англичанах самое низкое, что в них есть, а исходящий от англичан свет искажают для своих же соотечественников. С другой стороны, те, кто лишены здравого смысла, хочет броситься на англичан с необузданным гневом, – они пробуждают в англичанах греховную природу. Индия в огромной мере сама извлекает из англичан алчность и высокомерие, трусость и жестокость; и если это истинно, то негоже винить в этом англичан; большей частью эту вину нам следует взять на себя.

В своей стране английское общество прилагает разнообразными способами все усилия ради того, чтобы обуздывать низменное и поощрять стремление к благородству; сила всего общества неустанно направляется на поддержание обязанности каждого индивида следовать высшим принципам, и таким образом каждый, оставаясь насколько возможно самим собой, получает полный результат; и английское общество, неизменно бодрствуя и прилагая усилия, тоже получает свой результат.

Эта сила английского общества в Индии не может в полной мере действовать на англичан. Здесь у англичанина нет связи с английским обществом как со своим народом. Англичанин здесь – либо чиновник Гражданской службы, либо коммерсант, либо военный. Он связан узостью своего поля деятельности. Вся работа в этих областях создает окружающую его со всех сторон защитную оболочку, и никакой силе не взломать ее ради того, чтобы англичанин стал общаться с остальным человечеством. В этой атмосфере англичане превращаются в суровых администраторов, коммерсантов и солдат, и по этой причине мы не можем чувствовать к ним того, что называется человеческим отношением. Из-за этого, если кто-то занимает место судьи в Верховном гражданском суде, то мы заранее разочарованы, поскольку знаем, что от этого человека не получить должного судебного решения, напротив, это будет приговор гражданского чиновника; ведь когда администратор спорит с человеческой справедливостью, то побеждает долг бюрократа. Этот долг противоположен лучшему в природе англичан, и точно так же это вредно для Индии.

И опять же из-за своей бедности и слабости индийское общество не смогло сохранить с англичанами и деловых отношений там, где они сложились; поэтому если бы в Индию прибыл настоящий англичанин и принес бы ей какой-либо подлинный результат, индийцы лишились бы и его. Произошла наша встреча с западными коммерсантами, военными, чиновниками администрации и прочими важными господами, но так и не состоялась встреча людей Востока с людьми Запада. Скажем, что человек Запада так и не смог у нас раскрыться, и из-за этого в нашей стране все наши беды и унижения; и нам придется признать: в том, что так произошло, есть наш грех, как и в том, что процесс идет столь уродливо. *Nāyām ātmā bālāhīnena lābhyāḥ*²⁹, Параматма³⁰ не проявляется перед слабыми, великая истина ничего не дает слабым; человеку, который стремится к Богу, необходимо присутствие в его собственной природе божественных качеств.

Сила не проявляется в разглагольствованиях или внезапных безрассудных поступках. Сила познается через самоотречение³¹. До тех пор, пока индеец посредством самоотречения не изберет наивысшее благо, пока ради пользы всей страны не сможет отказаться от страха, своекорыстия и комфорта, до этих самых пор все, что нам ни захочется, мы так и будем вынуждены просить у англичан, и чем больше получим от них, тем больше будут возрастать наши стыд и несостоятельность. Когда собственными усилиями, своим самоотречением мы вернем себе свою страну, когда установим над нею подлинную власть благодаря избавлению от бедности и движению по пути развития с приложением всех сил к тому, чтобы в стране было хорошее образование и охрана здоровья, – только тогда мы перестанем денно и ночно стоять перед англичанами с протянутой рукой. До тех пор, пока мы из-за личной и общественной глупости не будем способны по-человечески обращаться с народом своей страны, пока

заминдары³² нашей страны будут считать подчиненных им крестьян-арендаторов частью своей собственности, пока сильные будут попираť слабых, считая это веками неизбежной священной традицией, и пока высшие касты будут попираť низшие, словно скот, – до этих самых пор мы не сможем требовать у англичан подобающего нам хорошего отношения, подобного тому, что они оказывают своим ближним, и до этих самых пор мы не сможем должным образом понять природу англичан, и, кроме того, Индия так и останется в обиженном и униженном состоянии. Сегодня Индия, со всех сторон окруженная шастрами³³, религией и общественными установлениями, сама себя унижает и лишается общения, и не просветляет своей души истиной и самоотречением, и не обретает того, что должна обрести в общении с другими. Поэтому встреча с Западом в Индии не обрела полноты, и не проявились спелые плоды этой встречи, и мы вкушаем от нее только страдание и унижение. Правдами и неправдами вытеснив и изгнав англичан, мы все равно не получим избавления от этого страдания; а если соединение Индии с англичанами обретет полноту, то и все проявившиеся в ней противоречия будут исчерпаны. Тогда-то в самой Индии произойдет объединение страны со страной³⁴, народа с народом, знания со знанием, усилия с усилием; тогда завершится эта глава в современной истории Индии и, словно преодолев бурный поток, она отправится дальше вместе с человечеством и его всемирной историей.

Примечания переводчика

¹ Перевод выполнен по изданию [Thākur 1960, 261–273]. Об обстоятельствах создания эссе см.: [Скороходова 2025].

² Здесь имеется в виду древнейшее автохтонное население индийского субконтинента, преимущественно дравидийское.

³ *Пратилома* – (санскр. букв. «против волоса») тип брака, нарушающий правило равного кастового статуса жениха и невесты, в котором невеста выше по статусу. Брак *анулома* (букв. «по волосу»), напротив, следует правилу равного статуса или более низкого у невесты.

⁴ *Шудры* – представители четвертой, низшей *варны* (сословие), в обязанность которым традиционно вменяется служение всем вышестоящим варнам (брахманам, кшатриям, вайшьям). Считается, что варна шудр сформировалась из автохтонного населения, подчиненного ариям.

⁵ Имеется в виду общество, в котором доминируют религиозные представления и культы, входящие к брахманизму или включенные в сферу его влияния. Индусы – самое распространенное в Новое время название для всех исповедующих индуизм в его многочисленных направлениях и вероучительных традициях.

⁶ Священный шнур – символ второго рождения и принадлежности к одной из высших *варн*.

⁷ *Варна* (санскр. «цвет», «род», «вид») – название для социальной общности (страта, сословие), на которые в иерархическом порядке делилось население Индии в древности. Каждой варне соответствовал определенный цвет-символ; белый – для брахманов, черный для шудр и т.д. Здесь Тагор отсылает к светлому цвету кожи ариев, отличавшихся от смуглых дравидов.

⁸ «Индусское общество» – здесь: вся условная социально-религиозная общность населения субконтинента, исповедующего индуизм.

⁹ Ведийская эпоха – условный исторический период, который во времена Р. Тагора датировался 2000–1400 вв. до н.э.; связан с переселением в Индию племен ариев и их последующим распространением в Северо-Западной Индии (на рубеже II–I тыс. до н.э. по современным датировкам).

¹⁰ Раджпуты – этнокастовая общность, образовавшаяся в середине I тыс. н.э. из завоевателей-эфталитов и переселенцев из Центральной Азии, осевших в Синде и затем распространившихся по всему Северу Индии. Скотоводы-кочевники по происхождению, они интегрировались в местное индоарийское кастовое общество как кшатрии – воины и правители (раджи).

¹¹ Вишвакарма (санскр. «Всесоздатель») – эпитет Бога в Ведах, затем в постведийской мифологии сын бога Брахмы, бог-зодчий. У Тагора употребляется как эпитет Бога-Создателя мира.

¹² Дарбар (фарси *darbār*, «прием», «суд») – термин, распространенный в Индии для обозначения собраний у монарха, когда он ведет прием, вершит суд и решает дела государства. В Британской Индии дарбар стал обозначать и торжественные церемониальные собрания, организуемые вице-королями.

¹³ Золотая ладья – образ из поэзии Р. Тагора, по одноименному стихотворению, которое открывает одноименный сборник (1893 г.) См. русский перевод: [Тагор 1961–1965 II, 138–139]. Герой

стихотворения отдает весь выращенный им «золотой урожай» лодочнику, но самому герою не находится в лодке места. По объяснению самого Тагора, это метафора мира, который забирает плоды человеческих трудов, но не берет с собой людей.

¹⁴ Железный сундук в традиционных индийских домах представляет собой подобие сейфа, в котором хранятся ценные вещи.

¹⁵ Яджнешвар – одно из имен Вишну в пуранах, букв. «Владыка/Вестник жертвоприношения».

¹⁶ *Садхана* (санскр. «откровение», «созерцание») – индивидуальная духовная практика в индуизме, рассматриваемая как средство достижения освобождения и спасения.

¹⁷ *Риши* – мудрецы ведийской эпохи, создатели гимнов Вед, а также святые мудрецы эпических поэм и сказаний (*пуран*).

¹⁸ Ранаде Махадев Говинд (1842–1904) – видный юрист и экономист, либеральный мыслитель и общественный деятель Махараштры.

¹⁹ Вивекананда Свами (1863–1902, настоящее имя Норендронатх Дотто) – религиозный философ и общественный деятель, представитель неиндуизма. Тагор называет его махатмой – «Великой душой». Впоследствии именно он назовет так и М.К. Ганди, и уважительное обращение превратится в подобие имени.

²⁰ В оригинале – многозначное слово *садхана*, имеются в виду высшие достижения каждой из цивилизаций.

²¹ Бонкимчондро Чоттопаддхай (Чаттерджи, 1836–1894) – бенгальский писатель, публицист, социолог и общественный деятель.

²² «Бонгодоршон» (бенг. «Зеркало Бенгалии») – ежемесячный литературно-просветительский журнал, издававшийся Б. Чоттопаддхаем с 1872 г. до начала 1880-х гг.

²³ *Бхакти* (санскр. «преданность», «служение») – многозначный термин для обозначения мышления и практики верующих, служащих личному Богу; здесь имеется в виду собирательное представление о философских идеях разных течений бхакти, в том числе о форме действий верующего на пути к личному божеству.

²⁴ Равана – демон (*ракиаса*), враждовавший с седьмым воплощением бога Вишну Рамой, один из персонажей эпоса «Рамаяна».

²⁵ В оригинале – *мукти*, то есть избавление от мира перерождений и страданий, которое полагается как цель стремлений человека.

²⁶ Хэйр Дэвид (1775–1842) – шотландский благотворитель и просветитель, правозащитник, соратник Раммохана Рая, основатель институтов, предлагавших английское образование.

²⁷ Мф 25:29. Ср. в современном переводе: «Тому, у кого есть, будет дано еще, и будет у него избыток» [Библия 2011, 1090].

²⁸ Тагор отсылает здесь к древнеиндийскому мифу о пахтании океана богами и асурами, в результате которого появились многие полезные вещи.

²⁹ *Nāyāmātmā bālāhīnena lābhyāḥ* – Тагор цитирует Мундака-упанишаду, 3.2.4. А.Я. Сыркин переводит эту шлоку следующим образом: «Этот атман не постигается ни [человеком], лишенным силы, ни небрежным или бесцельным подвижничеством, Но кто избирает этот [Атман], тем он и постигается; тому этот Атман открывает свою природу» [Упанишады 1992, 185].

³⁰ Параматма – одно из обозначений Высшей реальности, Атман как всеобъемлющее духовное начало, тождественное Брахману (Абсолюту).

³¹ Самоотречение – в оригинале *tyāga*, одна из духовных практик в индуизме, предполагающая самоотречение и аскезу.

³² Заминдар – землевладелец. В Британской Индии заминдары были признаны наследственными владельцами земли и фактически превратились в частных собственников поместий, раздаваемых в доколониальный период мусульманской властью за службу.

³³ *Шастры* (от санскр. *śās*, «учить») – трактаты по различным отраслям традиционного знания, в том числе законодательно-правовые предписания.

³⁴ Здесь имеются в виду различные области индийского субконтинента, входящие в колонию Британской Индии.

Перевод с бенгали Т.Г. Скороходовой и А.А. Нейвирт,
примечания Т.Г. Скороходовой

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Библия 2011 – Библия. Книги Ветхого и Нового завета. Канонические. Современный русский перевод. М.: Российское Библейское общество, 2011 (*The Holy Bible*, Russian Translation).

Тагор 1961–1965 – Тагор Рабиндранат. Собр. соч. В 12 т. / Пер. с бенгали и англ. М.: Худ. лит., 1961–1965 (Tagore, Rabindranath, *Collected Works*, Russian Translation).

Упанишады 1992 – Упанишады / Пер. с санскрита и коммент. А.Я. Сыркина. В 3 т. Т. 2. М.: Ладомир, 1992 (Upanishads, Russian Translation).

Thākur, Rabīndranāth (1960) *Rabīndra Racahāvali*, Khanda 12, Viśvabhāratī, Kalikātā (Tagore, Rabindranath, *Complete Works*, in Bengali).

Ссылки – References in Russian

Скороходова 2025 – Скороходова Т.Г. Чаадаев для Индии XX в.: Рабиндранат Тагор и его российский предтеча // Вопросы философии. 2025. № 12. С. 162–175.

References

Skorokhodova, Tatiana G. (2025) “Tchaadaev for Twentieth Century India: Rabindranath Tagore and His Russian Forerunner”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2025), pp. 162–175.

Сведения об авторе

СКОРОХОДОВА Татьяна Григорьевна – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Пензенского государственного университета.

НЕЙВИРТ Анна Аркадьевна – независимый исследователь.

Authors' Information

SKOROKHODOVA Tatiana G. – DSc in Philosophy, CSc in History, Professor, Department “Social and humanities’ disciplines”, Penza State University.

NEIVIRT Anna A. – independent researcher.